

НИК ПЕРУМОВ

РАЗРЕШЕННОЕ ВОЛШЕБСТВО

ТЕХНОМАГИЯ

Ник Перумов

Разрешенное волшебство

Серия «Техномагия», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126816
Разрешенное волшебство: 2022
ISBN 978-5-222-37407-8

Аннотация

На неизвестной земле живут десятки кланов лесных жителей. Каждый из них как семья из сотен человек – у всех его членов свое место и дело. Они верят в Великого Всеотца и следуют его заветам.

«Твердиславичи» – один из таких кланов. Их главная ворожея Джейана Неистовая обладает даром собирать всю магическую силу сородичей воедино и поражать ею врагов. И эта сила ей очень пригодится, ведь ведуны Змеиного Холма, которые периодически нападают на поселения, ведут за собой лесную нечисть. Эти твари имеют броню, похожую на металл, которую не берёт магия. А чёрная кровь, что льётся из этих монстров, не что иное, как машинное масло... Но эти понятия лесному народу пока неведомы.

Вождю клана Твердиславу и Джейане предстоит отправиться на поиск источника зла и узнать, что за пределами их земель

существует другой мир, в котором за их сородичами кто-то наблюдает, и сама жизнь в клане не более чем иллюзия свободы.

Содержание

Пролог	5
Часть I	10
Глава первая	10
Глава вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ник Перумов

Разрешенное волшебство

Vis pacem, para bellum.¹

Пролог

Летний вечер выдался просто на загляденье. С юга налетел легкий, живительный ветерок, разогнавший сгустившуюся было к полудню удушливую жару. И, когда из-за темноты пришлось оставить все игры, малыши как-то сами собой потянулись к Костровому Дереву. Скоро их тут собралось, наверное, десятков пять или даже шесть; некоторые тотчас побежали за хворостом.

– Ну, чего сбежались, глазастики? – Из темноты шагнула Фатима, правая рука главной Ворожеи клана Джейяны Неистойой. – Опять вам историй?

– Да, да, да! – Малыши радостно загалдели на разные голоса, точно птенцы в весеннем лесу.

– Про деяния Великого Духа, – застенчиво попросила хорошенькая девчушка лет восьми с каштановыми волосами до самых колен. Никто из красавиц клана так и не смог разгадать несложное колдовство, позволявшее Ларе когда надо – распускать волосы так, что они струились пышным, ве-

ликолепным водопадом, или окутывали её настоящим плащом, на зависть всем без исключения девчонкам, а когда надо – обращать в нечто очень плотно и туго свернутое, так что можно было возиться в любой пыли.

– Про начало начал! – тут же поддержали Лару другие голоса.

– Так ведь уже сколько раз слушали! – улыбнулась Фатима, привычно отбрасывая назад гриву чёрных волос, заплетённых в добрую сотню тонких косичек.

– Ну и что, ну и что, а мы ещё хотим! – последовал дружный многоголосый ответ. – И Учитель спросит.

– Ну, так и быть, слушайте. Скажу так, как сама от Учителя слышала, а ему, в свою очередь, поведал всё это Исса, Великий Учитель, получивший откровение из уст самого Великого Духа.

«Сперва не было ничего. Совсем-совсем ничего – ни земли, ни моря, ни леса, ни воздушного океана, ни неба над ним. Одна непроглядная чернота расстилалась вокруг, да мерцали в ней одинокие огоньки сотворенных в предвечные времена звёзд. Разделённые безднами пустого пространства, впустую полыхали огни, и жар их бессилён был оживить вечную ночь, что царила в Сущем.

И наскучило это Великому Духу, Тому, Чьё Имя Непроизносимо. В стародавнюю пору, когда не родилось ещё само Время, сотворил он звёзды, дабы разогнать мрак, и тьма

частично рассеялась, но не отступила. Горячие лучи звёзд пронзали бесконечность, теряя по дороге и тепло, и силу. Даром пламенели звёздные костры, и не было в Сущем того, кому пошло бы на пользу их бесконечное сияние.

И тогда Великий Дух в великой своей милости создал планеты и заставил их обращаться вокруг светил, повинувшись строгим законам. Жгли лучи каменные лики пустых планет, и от столкновения твёрдого с лучистым на планетах родилось движение. Что, непонятно, глазастики? Это ничего, Учитель сам говорит, что, только придя в чертоги Великого Духа, познаём мы истину до самой последней её, Истины, капли.

На каменных равнинах возникла жизнь. Травы и деревья, птицы и звери. И многие другие тоже появились тогда – люди, эльфы, гномы, духи и иные существа как облечённые плотью, так и лишённые ее.

И воцарился хаос.

Неправедной была эта жизнь. Брат восставал на брата. Друг покушался на жизнь друга. Каждый говорил: «Се моё, и се – моё же!» И лилась кровь. Люди убивали людей».

(Кто-то самый впечатлительный из малышей даже всхлипнул – как всегда на этом месте. Ну не укладывается такое в голове, хоть тресни! Как бы Учитель ни сердился. Чтобы люди убивали бы людей! И не представишь даже. Враг общий – Ведуны да их нечисть! Как же можно с братьями сражаться?!)

«Попытался Великий Дух тогда вразумить ожесточившихся, утишить страсти, дать людям и иным разумным созданиям, что живут и умирают, великую свою Правду. Принял Он человеческий облик – и спустился на землю. На одной из бесчисленных планет.

Но не стали люди слушать Его голос, ибо не открывал он им всей своей Сути, и принимали Его за лишённого разума.

А Нечисть, возникшая ещё допрежь самых старых звезд, всё подбивала людей отвернуться от Него, и наговаривала на Него, и сеяла в сердцах пустые, лживые ярость и смуту.

И настал день, когда Его побили камнями. Во веки вечные будет проклят этот город. И сотворившие сие злодеяние тоже будут прокляты. Обратились они сами в злобную нечисть, в проклятых Ведунов, – и с той поры вредят людям как только могут.

Понял тогда Великий Дух, что нужно иное.

И сотворил наш мир. И всех нас». – Голос Фатимы зазвонел от волнения. Приподнявшись на цыпочки, вытянувшись, точно струна, она продолжала:

«Все мы есть дети Великого Духа. Им сотворены мы. И каждый малыш, что рождается в клане, есть Его прямой потомок.

Создал Он наш мир, и всех нас, и кланы, чтобы в правде и праведности жили бы мы здесь, совершенствуясь и ожидая того дня, когда придут за нами Летучие Корабли и отвезут нас туда, где Великий Дух изложит нам наш долг. Когда каж-

дый из нас отсчитает восемнадцать солнечных кругов – покинем мы этот мир и вознесем к престолу Великого Духа, нашего Отца и создателя.

И в милости и доброте своей дал он нам мудрых Учителей. И первым из них был Исса, Великий Учитель, коему открылось всё, о чём поведала я вам.

Но и Нечисть не дремала. Ведуны проникли и сюда, в заповедный мир; однако ж не стал Великий Дух поражать их Своей силой. Как испытание дана нам и эта напасть, и должно нам, сражаясь с ними, делом подтверждать доверие и любовь нашего Отца...»

Часть I

Магия в крови

Глава первая

– Тихо! Смирно лежи, пня корявая!.. Не слышишь ничего, што ли?.. Кособрюх ломится! Чуешь, глупная?

– Да откуда ж ему здесь взяться-то? Так что сам ты глупной! Зыриком лучше глянь, чего мешкаешь!

– Да не мешкаю я! А откуда кособрюх здесь взялся – по чём я знаю! Что я тебе – Учитель? У него и спрашивай. А если в ухе кублон торчит, так я не виноват.

Треск веток раздался неожиданно близко. Куда ближе, чем хотелось бы засидчикам. Обычно заросли крякосава служили надёжным убежищем, и толстые, неповоротливые кособрюхи остерегались соваться в густорост, понимая, где могут устроиться двуногие охотники. Этот кособрюх, верно, какой-то шальной попался...

В неглубокой ямке между выпершими из земли корнями крякосава (летунки-кряки любят на нём ночевать – отсюда и название) затаилось двое добытчиков – мальчик и девочка, наверное, лет двенадцати. На обоих – одинаковые домотканые серые подпоясанные рубахи и широкие штаны до ко-

лен. И он, и она босые, привыкшие ходить и по грязи, и по снегу. Девочка остролицая, с задорно вздёрнутым носиком и копной растрёпанных, криво и неровно подрезанных огненно-рыжих волос, глаза большие, серые, любопытные. Мальчишка, напротив, чёрен как смоль, левый угол рта оттягивал книзу неровно сросшийся шрам; костяшки кулаков покрыты не по-детски грубыми мозолями. В руке он сжимал короткое и толстое копьё из неошкуренного древесного стволика – красноплодка хороша не только ягодами. Заостри кол, обожги на костре – и вот тебе копьё, не хуже боевой рогатины с кованым жалом. Девочка держала наготове короткий самострел; болтом служил заточенный обрубок всё той же красноплодки.

Кособрюх дуrom сунулся из подростка – крякосав всегда окружён целой порослью высоченных трав, таких, что не поймешь – то ли трава, то ли уже куст. Из-под черных отвислых губ зверя торчали четыре парных клыка – малые; два больших были сломаны, верно – в драке. При виде готовых к бою двуногих кособрюх завыл, утробно и низко, и, словно камень с горы, ринулся вперед.

Мальчишка действовал хладнокровно и точно. Извернувшись, он с силой вонзил копьё под левую лопатку зверя, в серую, поросшую редким вытертым мехом шкуру. Несмотря на броню чудовищных мускулов, копьё легко пробило плоть, дойдя до надсердечной жилы. Кровь, яркая-яркая, брызнула из раны на добрых три сажени, мигом окатив охотников.

Кособрюх заверещал истошно, предсмертно. Все шесть мощных лап, что несли громадное, распираемое мускулами тело, в агонии рыли землю. Из подушечек выдвинулись когти, прочнее и крепче которых только стальные крючья, которыми торгуют Горные кланы; зад страшилища внезапно повело в сторону, словно тот скользил по льду, и девочка не успела увернуться. Мальчишка, звериным чутьём уловив опасность, бросился к ней, с недетской силой отшвырнул прочь – и сам попал под когти.

– А-а-ий! – Девчонка вскочила на ноги. Тело её выгнулось, точно тугой лук, рубашка задралась, обнажив исчерченный кривыми шрамами плоский живот, и она обеими руками метнула из-за головы что-то невидимое в топчущего и рвущего неподвижное человеческое тело кособрюха.

Воздух застонал и загудел. В ужасе порскнула прочь любопытная фейная мелочь, обожающая схватки и летающая, точно мухи на мёд, к месту любого поединка. Толстенный череп зверя раскололся пополам. Мозг вышибло напрочь, забрызгав ствол крякосава; шейные позвонки вырвало и разбросало вокруг. Туша дёрнулась в последний раз и затихла.

Девочка бросилась к спутнику.

– Мих, ну что ты, Мих, ну не надо, не умирай, ну пожалуйста!.. – Из глаз её брызнули слёзы. Её саму трясло и шатало; по губам и подбородку двумя аккуратными ручейками струилась кровь; застонав от натуги, она вырвала бесчувственного Муху из-под туши мертвого кособрюха.

Удар когтистой лапы разворотил мальчишке живот, распорол желудок; и как это Мих не умер тотчас, на месте?.. Несмотря ни на что, он был жив и даже не потерял сознания – только затруднённо, с хрипом, дышал.

– Зови... Джейану... – прошептали губы раненого.

– Счас, счас, – у девчонки тряслись руки, язык заплетался; нужные слова удалось подобрать не сразу, однако же удалось, и светло-серебристый травяной шелкунчик вихрем помчался выполнять полученное приказание.

Покончив с ворожбой, девчонка сунулась было помогать Миху, но тот лишь дёрнул головой, досадуя на всегдашнюю девчоночью глупость:

– Не... трогай... Ничего... дурёха... неуклюжая... Не... смогла... увернуться... Под когти... полезла... дура глупая...

В ответ девчонка разревелась даже не в три, а в тридцать три ручья. Всё, что ей оставалось, – это сидеть, положив не слишком чистую ладошку на лоб раненого, и ждать подмоги.

* * *

Вот уже два года все ближние и дальние кланы свирепо завидовали роду Твердислава. Отвоевать такое место под становище!.. Нечего сказать, расщедрились Вышние, расщедрились. Оценили по заслугам.

С трех сторон посёлок защищали неприступные скалы.

Точно три копейных наверхия, они проббили зелень лесов, сомкнувшись плечами, словно хорошие воины в бою. Нечисть могла подступиться только с одной, южной стороны, а хорошо известно, что все злобные твари, служащие Ведунам, предпочитают нападать с севера, словно боясь оставить светлое солнышко за спиной, хотя ослепить противника в бою – первое дело.

С высоты, из мертвого, казалось бы, камня вниз сбегали ручьи. Мелкие, но многочисленные, они питали небольшое озерко, из которого брала начало Ветёла. По берегам озерка и расселились Твердиславичи, разом обретя и крепкую защиту, и вдосталь чистой воды. Ниже по течению Ветёлы, где она, вобрав в себя еще множество мелких ручьев, ручейков, ключей и подлючинок, становилось шире и спокойнее, в густых зарослях крякосава и мухоловки была отличная охота. До ближайшего укывища Ведунов – Змеиногo Холма, что посреди Лысого Леса, – два полных дня ходу, и препятствий немало – Ветёла, Пожарное Болото, а главное – Пэков Холм, на котором Твердиславичи всё время держали оборону и от дикой твари, и от ведуновских прислужников. Пэков Холм слыл не простым холмом. Джейана, а за ней и все девчонки, утверждала, что там-де, мол, обитает Старый Пэк, который девчоночьей страже помогает, а парням, за глупость их, глаза отводит и иглы в штаны подсыпает, но главное – предупреждает об очередном набеге. Парни, те, которые постарше, не исключая и самого Твердислава, либо хмыкали, либо

пожимали плечами. Никто из них этого самого Пэка в глаза не видел, ни на какие вызывающие заклятия он не отзывался, но в открытую возразить Джейане Неистойой тоже не решались. Да и то сказать – они ведь с Твердиславом... Малыши же, естественно, спорили со сверстницами мало что не до драки, каждый отстаивая свое. Слова же Твердислава никто не знал, а у вожака клана хватало иных забот.

Лето нынче выдалось не из легких. Хотя – сподобил Великий Дух – всё в порядке с малышами. И младенчиков в этом году много, и неведомцев немало. А когда их много – это значит, что Исса, Великий Учитель, почтил их клан своим вниманием. И потому, что ни неделя – в клане двое или трое новеньких. Четырех-пятилетние карапузы, только и умеющие, что раскрывать рот, вечно голодные и прожорливые, точно кособрюхи по весне. Их находили в самых неожиданных местах, голеньких, посиневших от холода, плачущих и ничего-ничего не помнящих о себе. Приходилось начинать с того, что придумывать им имена... Неведомцами занималась Файлинь, у неё это получалось лучше других. Ласковая, очень терпеливая. Ей бы, Джейане, такое терпение.

Девушка вздохнула, разогнув натруженную спину. Уж на что она привычна к этой работе – копать корни толстяков – привычна сызмальства, однако же вот наломалась. Охота плохая, зверь откочевал, Ведуны дважды прорывались к самым скалам, Твердислав их останавливал уже магией Ключ-Камня – последним средством, а потом ещё и откупаться

пришлось; запасы малы, на толстяков одна надежда. Джейана выгнала на работы всех от мала до велика; избегли её только сам Твердислав да десяток старших, что с рассвета ушли загонять невесть как забредшего сюда с севера папридою. Папридой – зверь здоровенный, жутко сильный, но при том совершенно безобидный, если только сумеешь найти к нему подход. Удастся изловить медлительного великана, зачаровать и притащить в становище – клан надолго будет обеспечен преотличными костяными ножами, что режут не хуже кованых, теплыми меховыми куртками – шкура с папридою сходит большими кусками вместе с шерстью, и зверя забивать не надо, а также целебнейшим бальзамом, что варят из папридоева дерьма.

– Линка, Джим! Ну-ка, быстро работать! Ишь, в лес они наладились! И не вздумайте мне говорить, что за грибами. Нет их ещё и в помине, я Леснянок спрашивала. И вообще, вам этим самым, за чем в лес рванули, заниматься рано еще. Поняли? А тебе, Джим, я и вовсе кое-что откручу! Клану такие лоботрясы, как ты, не надобны, так что небольшая потеря будет.

Пристыжённые парень с девчонкой (обоим лет по пятнадцати), уже совсем было достигшие вожделенных зарослей (там и впрямь водились грибы, но – права Джейана – не в это время), повернули назад. Джейана ещё немного постояла для внушительности, и вновь склонилась над бороздой.

Нет, ничего так просто не даётся. Твердиславичам доста-

лась отличная скальная крепость – но зато в непролазной, непроходимой глухомани, да ещё и под боком у Ведунов. Все-все остальные кланы – кто в четырёх, кто в пяти, а кто и в целой седмице дней пути от ближайших ведунских логовищ. Правда, там и скал таких нет, и, ежели недруги подступали-таки к поселкам и становищам, их обитателям приходилось много солонее, нежели Твердиславичам.

Однако глухомань есть глухомань. Далеко и до гор, где обитают самые богатые кланы, якшающиеся (по слухам) с племенами подземных гномов; далеко и до чистых, звонких лесов Приморья, где можно порой отыскать путь к зачарованной эльфийской роще; и до настоящих городов, что раскинулись по берегам Светлой, главной из рек этого восточного края, тоже далёко. Хотя, говорят, в тех городах жизнь так себе, вольностей мало, правил много. Тамошние обитатели до судорог боятся, что Ведуны возьмут их обманом, и потому Ворожеи в тех городах только тем и заняты, что отыскивают разбойничьих прислужников. Уверяют, что частенько находят. И без денег в тех городах тоже делать нечего. Но зато там – товары со всего света. И книги, из редких редчайшие, где можно вычитать самые заковыристые и сильные заклятья, а потом доказать перед Учителем свое право на них. Джейана всё подговаривала Твердислава хоть разок сходить в те города, а он всё тянул, тянул, и вот вам, пожалуйста, это лето дурным выдалось, клан сберегать надо, осенью никто в путь не трогается, про зиму даже и говорить не приходится,

а весной... Весной за ними с Твердиславом придет Летучий Корабль. И у клана появится новый вожак. Как и новая во-рожея.

Эх, жалко. Так много есть чудесного. Те же эльфы, к при-меру, или гномы, или города на Светлой. А за океаном, го-ворили на ярмарке торговцы из Морских кланов, есть места ещё волшебнее. Города там сказочно богаты, шпили и баш-ни в них – из хрусталя, про Ведунов в тех краях и слыхом не слыхивали, а магические существа – все сплошь дружелюб-ны и расположены к людям. Не то что наши, здешние.

«Бедно у нас как-то всё, – думала Джейана. Руки её дви-гались словно бы сами по себе, не требуя вмешательства, – работа рутинная, не хватало над ней ещё и думать. – Бед-но, серо и скучно. Всё разнообразие – в ведунских набегах. Тьфу, пропасть!»

Она вспоминала чужие рассказы. Горные кланы весьма гордились своей дружбой с подземными существами, о гно-мах рассказывали скупно и как бы нехотя – но не зря Джей-ану зовут Неистойвой. Сколько бы ни запирался надменный горец, сколько бы он ни задира л нос, когда надо, она своего добьётся.

В глубине гномских подземелий никто никогда не бывал. Ученики из Горных кланов не пропускались дальше двух-трех внешних залов; но и имевшихся там чудес хватало на сотни рассказов. Диковинные машины и механизмы, качав-шие воду, ткавшие ткань, моловшие муку. Твердиславичи

только-только сподобились соорудить простенькую водяную мельницу, а уж о самоткущих станках речь даже и не заходила. Удивительно, но простые эти вещи упорно не поддавались воздействию магии – сколько ни пыталась Джейана заставить жернова крутиться самим по себе, а муку саму складываться в мешок, ничего не получалось. И это при том, что огненная стрела Джейаны за поприще укладывала чуть ли не любую ведунскую тварь!.

Еще интереснее гномов были эльфы – в точности такие, как и в сказках о них, что Учитель иногда рассказывал младшим. Лесной народ, никогда не покидавший свои зачарованные рощи – если только не отправлялись в таинственные морские плавания к им одним ведомым целям. Прибрежные кланы переняли у эльфов корабельное искусство – и теперь на восток, в глубь лесов, шел настоящий поток товаров и даров моря. Рыба всяких видов, солёная и копчёная, целебные морские травы, раковины, морские чудеса, пользовавшиеся особым спросом у клановых ворожей, шкуры невиданных зверей, не пропускавшие воду, и многое, многое другое.

У эльфов Морские кланы перенимали и живопись, и музыку, и танцы – хотя Джейане, если честно, больше по сердцу были немудрёные пляски, придуманные девчонками в её собственном клане. И песенки – простые, но свои. Ко всему, что шло как от гномов, так и от эльфов, ворожея клана Твердиславичей относилась с немалым подозрением.

Известно было, что иногда некоторые из эльфов отправ-

лялись странствовать, щедро передавая дары музыки, песен и танцев тем, кто хотел их слушать, но сюда, на восток, они никогда не забредали. Суматошные рассказы парней о том, что там-то и там-то они якобы видели эльфа, были, не сомневалась Джейана, обычным мальчишеским хвастовством.

В войну людских кланов с Ведунами ни эльфы, ни гномы не вмешивались. Нам, мол, это строго-настрого заповедано Великим Духом, Всеобщим Отцом. Ваша это война, люди. Ваша. Вам и нести кровавую ношу. Не мечом, не стрелой и не боевым заклятием мы можем помочь – но хитроумным устройством, облегчающим работу, или, скажем, такой песней, от которой загораются сердца и ноги сами несут тебя в сражение. По мнению Джейаны, ни в чем подобном клан Твердиславичей не нуждался.

Конечно, она не отказалась бы посмотреть на эти дивные рощи, где деревья, если верить ярмарочным сплетням, до самого неба, а в ветвях спрятаны эльфийские вольные шалаши, где ночами нет тьмы – все светится разными цветами, и небо над деревьями часто озаряют радостные огни фейерверков. Не отказалась бы, но долг перед кланом превыше всего. На ней, Джейане, всё и держится. Ну вот, кажется, опять что-то стряслось.

...Лёгкий трепет прозрачных крылышек она уловила задолго до того, как щелкунчик-летун отдышался.

– Что у тебя, Лимпидоклий? – Джейана уже чувствовала, что случилась беда.

– Ты опять учуяла меня раньше, чем я тебя! – неподдельно возмутился летун.

– Ты забыл, кто я такая? Я всегда тебя раньше замечу, так что не переживай и не старайся. Ну, так с чем пожаловал?

– Ну, вот так сразу... ты даже мне заклятием не приказала! А уже весть требуешь! – обиделся Лимпидоклий. Крошечный, в смешном зелёном камзолчике (на летунов, словно на куклы, шили все девчонки клана), он сидел на роскошном зонтичнике, закинув ногу на ногу. Щегольские сапожки так и сверкали. Джейана с трудом подавила желание оторвать этой слишком наглой кукле голову... чтобы впредь другим nepовaдно было перечить, но сразу же выкинула подобную чушь из головы. Нечего и мечтать. Забыла, кто за летунами стоит?..

– Хорошо, – глаза девушки зло сверкнули. – Получай твое заклинание...

Глубокий вдох, затем выдох, свести пальцы, вспомнить в уме все формулы, мысленно очертить Круг Здоровья, почувствовать, как обновленная кровь с новой силой устремилась по жилам...

– Гилви послала... – сообщил наконец летун. Вообще-то его прозывали Летавцем (или Лимпидоклием), но это было уже исключение. Магическим тварям имен не полагалось, этого Летавцем прозвали в обход слов Учителя. Впрочем, кое-какие запреты обходить полагалось, это считалось хорошим тоном, да и сам Наставник удивлялся, если все стара-

тельно выполняли его наказания полностью, до последнего словечка.

– Гилви послала, и что дальше? – Джейана начала терять терпение. С виду она казалась тонкой и хрупкой, невесть, в чем душа и держится, а попробуй-ка, заломай ее! Крепких парней на обе лопатки укладывала. Учитель таких, как она, особенно ценит и называет непонятным словом «латентный лидер».

– Они с Михом на кособрюха нарвались, – злорадно сообщил Летавец. – Миху зверь пузо распорол. Гилви боится – не выживет парень. Тебя просила поскорее с помощью поспеть. Ниже по течению, там, где кривой копьерост...

– Ах, ты... – Джейана задохнулась гневом. – Тянул с таким!..

– А мне, между прочим, всё едино – что твои родичи, что звери, – обидчиво возразил Летавец. – Он меня, если хочешь знать, тоже просил. Но я-то тебе служу!..

Последние фразы летун выкрикивал уже в пустоту. Джейана вихрем мчалась прочь.

– Фатима! Ирка! Файлинь! Дженни! Да не ты, а Дженнифер! За мной, быстро! Парни, Боб, Сайли, Гимли, Орат! Носилки! И тоже за мной!

Когда Джейана приказывает таким голосом – ей лучше не перечить. Так приложит, что полдня голова гудеть будет.

Объяснять некогда. Приказы должны выполняться без рассуждений, иначе клан не выживет, и они с Твердиславом

не смогут предстать перед Великим Духом.

Бежали хорошо, ровно, не теряя дыхания, – всё, как она учила. Фатима, тонкая, точно речной тростник, тоньше даже её, Джейаны, но силой не обделенная. Правда, полностью использовать эту силу Фати так и не научилась. Один только талант в ходу – врачевательница каких мало. Клань Середы и Мануэля предлагали за нее угодий на день пути, но Твердислав стоял насмерть. Видимо ли дело – родичей продавать! Глаза их бесстыжие, вот и всё!..

Ирка и Дженнифер – тоже хорошие лекарки, хоть и послабее будут. А Файлинь как никто умеет утешить и успокоить, внушить раненому, когда он придет в себя, что всё будет хорошо, что он непременно поправится. Великий Дух, как известно, помогает лишь тем, кто сам себе помогает, и никто лучше темноглазой Фай не сумеет научить увечного этому высокому искусству – помогать себе самому. Ну и как врачевательница Фай, конечно, тоже не из последних. С неведомцами возится, а у них что ни день, то беда. Кто ногу сломает, кто руку вывихнет, а кто и живот себе о сучок распорет. Неловкие они, неведомцы, неуклюжие, за каждым глаз да глаз нужен.

Пока бежали, Джейана пыталась мысленно дотянуться до Гилви, подбодрить, утешить, потому что если рядом с тяжелораненым окажется лишившийся веры – тогда Великий Дух уж точно получит свою добычу. А если нет, если верить, даже если уже глаза закатились и сердце не бьётся – глядишь,

и вырвем парня из лап у смертушки.

Вниз, вниз, вниз, вдоль по Ветёле, туда, где верным поводом торчал кривой копьерост. Копьеросты оттого так и зовутся, что всегда прямые, точно стрела или копейное древко, а вот этот кривым оказался. Потому и уцелел. Не сразу сообразили-то пользительные деревья возле становища выращивать, повырубили, теперь за древками приходится ходить мало что не к Мануэлю на рубеж, а там места ой какие дурные!..

Гилви сидела рядом с Михом, держала его за руку и даже не имела сил утереть градом льющиеся из глаз слезы. Ещё минуту назад парень дышал, хоть и с трудом, а теперь замер и, похоже, отошел навсегда. А дара лечить у неё нет, ну вот ни на полстолечка, есть другой – боевой, ну и там ещё источники подземные чувять, то-то с таланта такого сейчас толку!

– Отвали!.. – рывкнул над самым ухом страшный голос. Волосы Джейаны растрепались, зелёные глазищи горели яростью; казалось, она воочию видит перед собой саму смертушку и готова схватиться с ней врукопашную.

Гилви замешкалась – отсидела ногу, сразу и не встать, и тогда Джейана попросту отшвырнула её в сторону, словно нашкодившего котенка, мгновенно забыв о ней. Обижайся, не обижайся – ей всё равно. Дело надо делать, а если своего добьёшься – успех всё спишет.

Ирка с Дженни отвели руки Миха от раны, Фатима стремительно разминала пальцы, готовясь одним ударом вы-

рвать раненого из шока; Файлинь заклятием пережимала разорванные жилы, откуда настоящими фонтанчиками била кровь; Джейана же заглянула глубоко-глубоко в замершие глаза.

:Иди ко мне:, без слов позвала она парня.:Иди ко мне, возвращайся, у нас ещё столько дел здесь! Клан не обойдется без тебя! Слышишь, Мих? Возвращайся!:

Это действовало лучше всяких повязок, обеззараживаний и тому подобных приёмов травниц. Они займутся раненым позже, а пока – за него отвечает она, Джейана!

Ира и Дженни колдовали над разорванными внутренностями парня. У Фатимы вытянулось лицо, как-то разом ввалились глаза, и между пальцев поплыло синеватое сияние. Джейана же, не отрываясь, глядела в чёрные Михины зрачки, словно в колодцы, что вели к тем тёмным подземельям, где сейчас стоял он, в преддверии покоев Великого Духа, ожидая – вернуться ли ему обратно, к свету, траве и жизни, или же последовать дальше, туда, откуда уже нет возврата.

...Джейана зацепила душу парня уже на самом пороге Великого Духа. Сквозь провалы зрачков видела она, как крохотная серая фигурка заколебалась и, помедлив на самой черте, медленно и неуверенно двинулась назад.

Миха они вытащили. Все ещё без сознания, с распоротым животом, его очень-очень медленно понесли в становище. Теперь дело за травницами. Они знают отвары, что помогают срастаться разорванным тканям. Но допрежь должны ещё

закончить ворожеи.

С Джейаны градом лил пот, но она не позволила себе расслабиться и на миг.

– Так, парни, до становища дойдете – шлите сюда ещё шестерых. Тушу выпотрошить. Не пропадать же добру!..

Кособрюх был хорош. Жирный, упитанный. Не по сезону. Лето не так и давно началось, с чего жирок-то? Не иначе, как ухоронку Леснянок нашел. Тогда да, там пожировать есть чем.

Препоручив Миха заботам Фирузы и Сигрид, бывалых травниц, Джейана решительно расправила плечи – никто не должен видеть её уставшей! – и зашагала к полю. Ленятся небось летавцевы дети. Глаз да глаз за ними нужен. Так и норовят посачковать. Вот и бери таких на Летучие Корабли!..

Пришла к грядам – точно. Скучковались, ровно пчелы в рой, и так же, как пчёлы, гудят, гудят, гудят... Правда, увидев Джейану, все разом примолкли и бочком-бочком – по местам.

– Чего языки чешете? Кособрюх Миха поранил – тоже мне, новость!.. Впервой, что ли? Мы парня уже вытащили, так что давайте-ка к делу. – И, подавая пример, первая склонилась над толстяками.

Глава вторая

Твердислав и ещё десяток старших парней, все лет по шестнадцати, с самого утра загоняли папридоя. Оружия не взяли (лишь у Твердислава в кармане широкого кожаного пояса – серебряный Ключ-Камень, символ вождя, самый настоящий ключ к защитной магии родных скал, полученный из рук Учителя в тот день, когда они с Джейаной основывали поселок нового клана. Никто ведь тогда не помогал: ни эльфы, ни гномы, ни даже Учитель!) – папридоя ни копьем, ни стрелой не остановишь, здесь нужна катапульта наподобие тех, что соорудили на Пэковом Холме; а, кроме того, зверь чует чуть ли не любую боевую снасть, и взять его после этого шансов уже никаких. Да, кроме того, убивать его нет никакой нужды. Собственно, дело тут простое – загнать папридоя в какую-нибудь овражину, окружить и зачаровать.

Понятно, легко сказать – зачаруй! Проникни в душу зверя, сумей заговорить с ним и убедить, что, мол, неволя лучше свободы. Нужно врать, а это, сами понимаете... Сам Твердислав вранья терпеть не мог, и немало малышей отведало его розги, будучи пойманными на лжи. Помогало, и притом очень здорово, хотя тоже – маленьких бить... Рыдают, слезы что их кулачок... Правда, видит Великий Дух, не так и больно им достаётся. Что ж он, исчадие ведунов, мукой мученической мучить?

Папридою гнали долго. Гнали молча, без азарта – чай, не юнцы, усы уже у всех пробиваются. Берегли дыхание – гон, он долгий. А без папридою им никак нельзя. Вон, Мануэл вторую осень на ярмарку куртки меховые возит и дерёт за них, бессовестные его глаза, втридорога...

Правда, сам Твердислав Мануэла отлично понимал. Главное что? – чтобы клан жил, чтобы народ в нем множился, Учителю на радость. А ради этого можно и куртки подороже продать.

...С утра Твердислава мучили какие-то предчувствия. Ещё когда гон только начинался, подумал – нет, не возьмём. Подумал – и тут же выбросил из головы. С такими мыслями на охоту лучше и не выходить.

Сперва миновали знакомые места. От русла Ветёлы повернули вправо, на запад. Папридою гнали, все вместе придумывая и насылая на него самые жуткие миражи-призраки, какие только могли измыслить. Пугали то огнем, то подступающей водой, то ночным крылатым кровопийцей-нагудом (гудит он, на жертву бросаясь, – отсюда и имя), то мелким ползучим аспидом – яда одной твари на целое стадо папридоев хватит, и потому великаны боятся его до одури). Но – то ли зверь попался бывалый, то ли сами сплеховали, только все заранее известные загонные места остались позади. Папридой трусил и трусил себе вперед (хотя ему самому такой бег, наверное, казался совершенно безумным), обходя овраги и ложбины, так что загонщикам оставалось только ругаться.

Ругался и Твердислав. Правда, на самого себя. Никак не сожмёт мысли в кулак, чтобы ударить ими, точно мечом. Всё время мешает что-то. То Джейана вдруг вспомнится, то последняя их ночь, то последняя размолвка... Нельзя так на охоте! Папридой, как никто из лесных тварей, чует неуверенность преследователя. А другие парни, хоть и сильны в охотничьей ворожке, да только ведь у нас так – один из хора выбивается – все дело насмарку.

...А ведь сложись всё по-иному, и не заметил бы Твердислав этих следов. Кабы гон по-нормальному шел, кабы чувствовал, что всё, вот-вот достигнут – и по сторонам бы почти не глядел. А так – понимая, что уйдет зверь, не удалась охота – смотрел. И насмотрел. Себе на горе, а клану... клану, хочется верить, на спасение.

Ведуновы следы. Да притом не только Ведуна, а ещё и всей свиты его. Сторожко шли, таились, простой глаз нипочём бы не углядел. След не на земле оставили, не на ветках – в воздухе. Поганый свой черный росчерк, нечистую паутину, что по проклятию Великого Духа метит всякий их шаг. И всё бы хорошо – увидел да берегись – да только ведунью паутину хорошо если один из сотни заметить может. Да и то, если искать станет.

...Это было как холодное дыхание Бунара, северного духа, что зимой несется от полуночных пределов, заковывая землю в ледяной панцирь. По щеке Твердислава мазнула тонкая струйка... и он разом замер, в одночасье забыв и па-

придя, и столь желанные девчонкам меховые куртки из его шкуры.

Остановился, утишая дыхание, успокаивая сердце. Товарищи уходили вперёд; скоро они почувствуют его, Твердислава, отсутствие, повернут назад... Его дело сейчас – здесь.

И, когда сердце забилось размеренно и ровно, когда прояснился взор, он увидел то, чего так боялся увидеть. Та самая ведунья паутина. От дерева к дереву, от одного ягодного куста к другому (и ягоды с тех кустов есть ни в коем случае нельзя!) с севера на юг тянулась она, слабый след злой стопы, еле-еле видимая при свете дня (ночью-то по-иному засветится, да только кто ж в этих краях в темноте так просто шарить станет?), непрерывный спутник горя, разорения и смерти.

Твердислав опустил на корточках. Вот оно. Дождлся-таки. Накликал. Взгляд его сам собой отслеживал направление чёрных нитей, примечая все до единой мелочи; а мысли упорно заворачивали по-своему, толковали даже не о прямой, видимой угрозе, а о том, что слишком долго все шло уж больно хорошо, слишком долго процветал род; добыча сама шла в силки и ловчие ямы, стрелы, как заговоренные, легко находили цель; дети рождались легко, Фириэль, Сигрид и Леона недавно разрешились от бремени, и младенцы все до единого здоровенькие. Теперь вот папридя Неведомые послали. Нет, не может длиться такое долго.

Ребята тем временем забеспокоились – слишком долго

нету вожака. И хотя всем ведомо, что с Твердиславом не всякий Ведун так просто схватится, лес, даже ближний, – дело такое, всякое может случиться, лес – он в каждый миг разный. Сейчас все спокойно – а ну как миг спустя из-под земли какой-нибудь тваренок ползет? Они ведь, бывает, от гнездовых своих в северных пущах далеко-о уходят.

– Твердь! Отзовись! – это Чарус, Твердиславова правая и левая рука сразу. Когда нынешний вожак поднимется на Летучий Корабль, род Твердиславичей возглавит Чарус. Название клана, впрочем, не изменится – Твердислава на создание клана-племени благословил сам Исса, Великий Учитель, у которого все прочие Учители в подчинении, так что править Чарусу, как и сейчас, Твердиславичами.

: Чара, все сюда. Быстро!:

Безмолвная беседа быстра, легка и ведётся не словами – эти сильно запаздывают, да и перехватить их лёгко. Слова, они ведь что – сотрясения воздуха, как давно уже Учитель объяснил. И подобно тому, как всякое зверье издали чует приближение земной судороги, у Ведунов есть немало созданий, что умеют перехватывать человеческое слово – что за одно поприще, что за десять. А вот в тайную речь хода им нет.

: Ведуньин след. Смотрите не стопчите. Мне с ним ещё копать. Папридою бросить. Не до него сейчас. Так что – рассыпаться и глядеть в оба!:

Рассыпаться – это ребятам объяснять не надо. Всем и так

ясно – вождю надо сейчас одному над следом покорпеть. Одному – и чтобы никто не мешал, под ногами не путался, и чтобы о неожиданностях никаких не думать, что вывернется на него внезапно невесть кто.

Твердислав замер возле неприметной чёрной паутины. Призрачные струны что-то негромко напевали-нашептывали, ту самую, коварную, хорошо знакомую мелодию, которая, коли беспечно вслушаешься, уведёт-утянет в такие дали, откуда уже нет возврата. И никакие заклятия или травы уже не помогут. Да что там травы – даже Учитель лишь руками разведёт горестно. Мол, был родович – и не стало его. Слаб оказался. В чёрный Зов вслушался – и пропал. Встал ещё один воин в ведуньи отряды.

Так откуда ж вы все-таки появились, нечисть полуночная? Не так и важно, ЗАЧЕМ вы сюда заявили – это и так понятно: вредить всем, чем только возможно. А вот ОТКУДА этот Ведун со свитой пожаловали – вопрос первостатейный. Разные есть на свете Ведуны, и к каждому – свой подход нужен. Иначе никак. Одни горазды молниями кидаться, другие предивно умеют всяких тварей подманывать, третьи горазды такие мысли внушать, что иной родович сам вниз головой в Ветёлу бросается. Ну и, конечно, все до единого Ведуны не преминут сгноить посевы, наслать лихоманки и иные немощи, склонить к блудодействию, пререканию с Учителями и так далее. Перечню их каверз конца нет. Впрочем, ни один клан от этого ещё не погиб, кроме одного, того самого, кла-

на Хороса, что против Учителей вместе с самим Великим Духом поднялся! Жаркое тогда было дело, Учитель рассказывал. Целый клан Ведунам предался, мыслимое ли дело! И не только предался – против братьев оружие повернул! Ну, тут уж могучий Исса мешкать не стал. Сам примерно покарал ослушников. Каким именно образом их покарали и что стало с мятежным кланом после – никто не знал, а расспрашивать Учителя на эту тему считалось верхом неприличия. Что сделали, что сделали! Твоё какое дело? Не страхом Наставники правят. Они, собственно говоря, совсем не правят. Учат, наставляют, помогают, поддерживают – стараясь, чтобы каждый из клана дожил бы до того дня, когда придут за ним Летучие Корабли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.